

Щупальца «Халифата»

Оценка угроз безопасности Беларуси в контексте деятельности радикальной группировки «Исламское государство»

Евгений ОЛЕЙНИК,
аспирант

Научный руководитель –
ДАСАЕВА Татьяна
Николаевна, доктор
филологических наук,
профессор

В последние годы отмечается повышенная активность радикальной джихадистской группировки «Исламское государство», признанной террористической, в частности, США, Канадой, Великобританией, Австралией, Турцией, Египтом, Индией, Россией, имеющей репутацию одной из самых жестоких исламистских организаций. Ее деятельность оказывает деструктивное влияние на стабильность и безопасность не только в Ближневосточном, но и во всем Европейском регионе, а значит, затрагивает интересы и Республики Беларусь. Наша страна, являясь активным актором на международной арене, последовательно выступает против терроризма и экстремизма в любых проявлениях, кроме того, образует Союзное государство с Россией, которая принимала непосредственное участие в военной операции против «Исламского государства».

Начиная с 1990-х годов радикализация ислама становится объектом пристального внимания исследователей. Научный мир предпринимает попытки понять сущность данного явления, определить его причины. Вопросам генезиса и эволюции исламского радикализма, феномена религиозного экстремизма, радикализации религиозных доктрин и положений посвящены труды многих российских исследователей, среди которых можно выделить работы И.П. Добаева, А.А. Игнатенко, Р.Г. Ланды,

Л.Р. Сюкияйнена. На вопросах соотношения религии и терроризма, изучения рисков радикализации ислама концентрируются западные ученые. Заслуживают внимания, в частности, работы американского профессора Дж. Л. Эспозито, французского политолога О. Руа.

В научном мире представлены два подхода к вопросу о соотношении ислама и исламского радикализма. В соответствии с первым определенные радикальные структуры используют великую религию ислам для реализации своих замыслов, которые не имеют к религии никакого отношения. В контексте второго подхода говорится о присутствии в самом исламе определенных оснований, радикализирующих его.

По мнению российского кавказоведа И.П. Добаева, как в практике, так и в теории могут иметь место обе модели, в том числе их промежуточные формы. Ученый, исследуя вопрос радикализации ислама, обращает внимание на определенные внешние факторы. По его мнению, «при нарастании социально-политических и экономических кризисов, неизбежных в условиях трансформации и модернизации

ОБ АВТОРЕ

ОЛЕЙНИК Евгений Юрьевич.

Родился в 1991 году в г. Кобрине Брестской области. Окончил Институт журналистики Белорусского государственного университета (2013), магистратуру БГУ (2014). В 2012 году учился по обмену в немецком вузе (Ruhr-Universität Bochum), где изучал дисциплины «международный терроризм», «политика безопасности», «внешняя политика Европейского союза». С 2013 года – корреспондент газеты «Аргументы и Факты в Белоруссии». С 2014 года – преподаватель кафедр периодической печати и зарубежной журналистики и литературы в Институте журналистики Белорусского государственного университета.

Автор 9 научных работ.

Сфера научных интересов: актуальные проблемы мировой политики, геополитики, региональной безопасности, политического ислама, взаимодействия средств массовой информации и общества, взаимодействия средств массовой информации и государства.

общества, обращение к радикальной идеологии, ее развитие, представляются вполне закономерной реакцией людей» [1].

Появление «Исламского государства» (ИГ) в 2006 году (первоначально «Исламское государство Ирак», ИГИ) стало возможным в Ираке, переживающем тяжелый социально-политический и экономический кризис, вызванный вторжением в страну войск коалиции западных держав с целью свержения власти Саддама Хусейна. Впоследствии ИГИ подчинило себе ряд территорий Сирии, где с 2011 года продолжается разрушительная война. Группировка сумела набрать мощь в условиях, когда правительство Ирака и Сирии были не в состоянии обеспечить безопасность своих граждан на подконтрольных им территориях. Сегодня, по мнению экспертов, ИГ выделяется на фоне других радикальных организаций, представляя собой «некую новую мутацию международного терроризма» [2].

И.П. Добаев выделяет и ряд характерных особенностей, которые лежат в основе радикальной составляющей ислама, например, факторы молодости, тотальности ислама (религия затрагивает все сферы жизни человека), аутентичности личности мусульманина и т.д.

На эндогенных, или внутренних, факторах, радикализирующих ислам, делает акцент и российский исламовед А.А. Иг-

натенко. Он отмечает: после смерти пророка Мухаммеда стало очевидным, что ряд значимых аспектов жизни исламской уммы в форме сформулированного положения, то есть в виде текста, не регулируются ни Кораном, ни Сунной. Как констатирует исследователь, «сложившаяся в этом виде система нормотворчества в исламе сделала данную религию исключительно динамичной, постоянно эволюционирующей...» [3]. Присутствие человеческого фактора в нормотворчестве и нормоприменении ислама стало причиной возникновения различных трактовок определенных понятий. Это касается и понятия «джихад», которое в наше время сильно искажено. Например, группировка «Исламское государство» трактует джихад крайне радикально: как ведение войны против неверных, где под «неверными» понимаются все немусульмане и мусульмане, несогласные с «линией» ИГ. В то же время Совет муфтиев Российской Федерации отмечает, что под джихадом следует понимать «внутреннее и внешнее сосредоточение на следовании правильным, прямым путем» [4].

Хотя существует значительное количество научных разработок, посвященных вопросу радикального ислама, действительность предлагает новые факты, требующие научного осмысления. Несмотря на относительную молодость радикальной группировки ИГ, ей удалось громко заявить

о себе. За последние два года структура в несколько раз увеличила численность своих сторонников и объявила о провозглашении «халифата». «Халифом» был объявлен Абу Бакр аль-Багдади. ИГ имеет свою армию и отлаженную систему управления. На подчиненных территориях членами группировки предпринимается попытка восстановить нормальную жизнедеятельность населения.

Исследователи деятельности ИГ объясняют феномен организации, в частности, грамотным планированием боевых действий, способностью использовать геополитическую ситуацию, наличием мощной материально-технической базы и т.д. Однако к основным причинам, обеспечивающим успех ИГ, на наш взгляд, следует отнести финансово-экономическую политику и умелое ведение пропаганды. Например, о «колоссальном финансовом приросте, основанием которого выступает в первую очередь незаконный сбыт нефти на черном рынке», а также о «разносторонних PR-технологиях, активно применяемых ИГ в целях военной мобилизации и привлечения новых adeptов», говорит исследователь И.С. Шегаев [5]. Ученые А.В. Федорченко и А.В. Крылов выделяют несколько источников пополнения бюджета джихадистов, в том числе незаконный теневой бизнес и прибыль от предпринимательской деятельности. Российские исследователи И.Ю. Сундиев, А.А. Смирнов и В.Н. Костин обращают внимание на ведение пропаганды с использованием СМИ и интернет-ресурсов.

На подчиненной территории группировка создала медийную инфраструктуру и организовала системную работу со средствами массовой информации. Все действия ИГ в данной сфере координирует совет по информационным коммуникациям, входящий в структуру высших органов управления радикальной организации. Непосредственное же руководство пропагандой и координацией деятельности в социальных сетях осуществляет Абу Амр аль-Шаами [6]. В рамках реализации своей информационной политики ИГ подчинило работу журналистов на подконтрольных иракских и сирийских территориях. Для регулирования их деятельности был выпущен специальный свод правил, состоящий из 11 пунктов. В нем есть, например,

требование для журналистов присягать на верность «халифу». ИГ занимается созданием и координацией деятельности собственных электронных, печатных и интернет-СМИ, а также медиа-агентств, фондов и центров. В частности, для воздействия на иностранную аудиторию в 2014 году был создан медиа-центр «Аль-Хайят» (AlHayat Media Center), производящий разнообразную медийную продукцию. Так, в Западной Европе был широко распространен издаваемый медиа-центром на нескольких языках журнал Dabiq. В 2015 году ИГ выпустило также журнал «Исток», ориентированный на русскоязычную аудиторию [7]. Активно проявляет себя группировка и в социальных сетях, а также в сервисах отправки сообщений. По словам эксперта в сфере террористических сетей Д. Бергера, ИГ реализует в социальных медиа изощренную стратегию. Сегодня присутствие группировки можно обнаружить в самых популярных социальных сетях и сервисах микроблогов, в том числе в «ВКонтакте», Facebook, Twitter, Instagram и др. Самой успешной инициативой ИГ в соцсетях считается приложение для Android, разработанное программистами группировки с целью «держать лояльных пользователей Twitter в курсе последних новостей джихада и управлять повесткой всего иракского сегмента Твиттера» [8]. Эффективность работы ИГ в информационном пространстве демонстрируют следующие цифры: к организации присоединились граждане свыше 80 государств мира. За год с начала военной кампании против ИГ в Сирии и Ираке число воюющих за организацию иностранцев достигло свыше 30 тыс. человек.

В контексте деятельности ИГ заслуживает внимания актуальный доклад, подготовленный в 2015 году аналитиками Кавказского геополитического клуба (площадка, цель которой – объединение ряда экспертов Северного Кавказа и Закавказья в сфере геополитики, общественно-политической и религиозно-идеологической проблематики). В научном исследовании анализируются причины появления ИГ, специфика этой организации, предлагаются меры противодействия ей. Факты, представленные в докладе, позволяют сделать вывод, что косвенным образом появлением ИГ мир обязан

реализации геополитических интересов иностранных держав. В частности, истоки появления группировки следует искать в конце 1990-х годов, когда близилась к завершению война в Афганистане. Именно в это время международный терроризм стал активно использоваться в качестве инструмента «реализации геополитических интересов ряда государств и транснациональных структур» [9, с. 16]. В 1998 году в интервью *Nouvel Observateur* З. Бжезинский, бывший советник по национальной безопасности американского президента Дж. Картера, рассказал, что президент США подписал директиву об оказании секретной помощи противникам просоветского режима в Кабуле еще до ввода Советской армии в Афганистан. «Мы не толкали русских на интервенцию, но мы намеренно увеличили вероятность того, что они это сделают», – вспоминал Збигнев Бжезинский [10]. Многие из тех, кто сражался против СССР в Афганистане, впоследствии влились в созданную в 1988 году террористическую организацию «Аль-Каида», из рядов которой в октябре 2006 года выделилась радикальная группировка исламского толка «Исламское государство Ирак». К июню 2014 года ИГИ трансформировалось в «Исламское государство».

Имеющиеся факты позволяют говорить о серьезной опасности, которую для мировой общественности представляет ИГ. Что касается Беларуси, то прямой военной угрозы для нашей страны нет. Это обусловлено следующими факторами. Во-первых, территориально Беларусь не входит в сферу интересов ИГ, которое выступает за создание исламского государства на территории Ближнего Востока и рассчитывает впоследствии расширить его до границ халифата в его классическом понимании – от испанских до индийских границ. Во-вторых, Беларусь находится на значительном удалении от Сирии (расстояние между Минском и Дамаском составляет около 3500 км). В-третьих, Беларусь не участвует в военных операциях на территориях, право на которые оспаривает «Исламское государство».

В то же время нельзя в полной мере исключать вероятность проявления активности радикальной группировки ИГ в Беларуси, в частности, использования

территории страны для организации терактов в соседних странах, прежде всего в России, активно участвующей в борьбе с ИГ, и с меньшей долей вероятности – в Польше, Литве и Украине, которые попали в так называемый список врагов ИГ. Так, осенью 2014 года боевики ИГ опубликовали видеосообщение, посредством которого пообещали начать войну на юге России. Подготовка или осуществление терактов на территории Беларуси, а также использование территории страны против иных государств относится к перечню угроз национальной безопасности, выделяемых в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь № 575 от 9 ноября 2010 года [11].

Потенциальной угрозой для безопасности Беларуси является и прибытие на территорию нашей страны субъектов, принимавших участие в боевых действиях на стороне ИГ. По словам главы российского МИД Сергея Лаврова, ИГ – главный враг сегодня уже хотя бы потому, что в его составе воюют сотни россиян, граждан стран СНГ, европейцев, американцев. По имеющимся данным, на стороне «Исламского государства» выступают 5–7 тыс. выходцев из России и других стран СНГ. Сегодня известны случаи участия в ИГ и граждан нашей страны. По словам министра внутренних дел Республики Беларусь Игоря Шуневича, их десять человек.

Угроза для Беларуси со стороны радикальной группировки «Исламское государство» также существует в информационном плане. «Деструктивное информационное воздействие на личность, общество и государственные институты, наносящее ущерб национальным интересам», обозначено в числе угроз в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [11].

Информационную угрозу со стороны ИГ для Беларуси следует рассматривать в двух аспектах: пропаганда идеологии ИГ и рекрутинг. По словам председателя научно-консультативного совета Антитеррористического центра (АТЦ) СНГ Марианны Кочубей, существуют риски того, что граждане Беларуси могут быть включены прямо или косвенно в деятельность «Исламского государства»: «Речь идет о том, что капсульных территорий безопасности

уже практически не осталось. Глобализация сделала свое дело» [12]. Значимость данного типа угроз не следует недооценивать даже с учетом того факта, что доля мусульманского населения в Беларуси составляет всего около 0,2 %.

Широкий резонанс получила история студентки МГУ имени М.В. Ломоносова, россиянки православного исповедания Варвары Карауловой, которая была завербована представителем ИГ в 2015 году. Этот пример демонстрирует эффективность пропагандистской машины радикальной группировки. Поскольку научный мир заинтересовался феноменом ИГ относительно недавно, отмечается нехватка научных трудов, проливающих свет на технологии вербовки, используемые «Исламским государством». Однако очевидно, что особенностью информационного воздействия ИГ является нацеленность на охват широких слоев населения вне зависимости от религиозной или расовой принадлежности.

Значительный интерес для ИГ могут представлять белорусские специалисты. Например, вербовщики «Исламского государства» могут прийти в вузы, в том числе белорусские, поскольку «экономика организации предполагает высокую потребность в военнослужащих всех специальностей, медработниках, специалистах в сфере нефтяной промышленности, логистики, торговли. Им также нужны лингвисты, пиарщики, айтишники» [13]. Сегодня нет гарантий, что под прицелом ИГ не находятся вузы Беларуси.

Угрозы в отношении Беларуси, возникающие ввиду деятельности «Исламского государства», носят преимущественно косвенный характер, что, однако, не уменьшает их серьезности. Существует вероятность использования радикальной группировкой ИГ территории Беларуси против иных государств, а также для трансфера лиц, связанных с организацией, в том числе – рекрутированных новобранцев. В контексте этого следует ужесточить контроль за лицами, прибывающими в Республику Беларусь из стран Ближневосточного региона, прежде всего тех, которые имеют границы с Сирией и Ираком – Турцией, Ливаном и Иорданием. Поскольку активность ИГ проявлялась также в ряде государств Африки и Среднего Востока, важно осуществлять контроль за

перемещениями в Беларусь лиц из Алжира, Ливии, Египта, Нигерии и Афганистана.

Противодействие деструктивному информационному воздействию со стороны ИГ сегодня имеет приоритетный характер. В связи с этим необходимо пересмотреть и, возможно, актуализировать определенные положения Концепции национальной безопасности, кроме того, разработать комплексную информационную стратегию предупреждения пропаганды экстремизма и терроризма, которая имела бы превентивный характер и была бы легко адаптируема с учетом современных реалий информационно-коммуникационной глобализации. ─

ЛИТЕРАТУРА

1. Добаев, И.П. Исламский радикализм: социально-философский анализ / И.П. Добаев; отв. редактор А.В. Малашенко. – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2002. – 120 с.
2. Сундиев, И., Смирнов, А., Костин, В. Новое качество террористической пропаганды: медиаимперия ИГИЛ / И. Сундиев, А. Смирнов, В. Костин [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/biology/novoe-kachestvo-terroristicheskoy-propagandy-mediaimperiya-igil/>. – Дата доступа: 09.01.2016.
3. Игнатенко, А. Эндогенный радикализм в исламе / А. Игнатенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ca-c.org/journal/cac-08-2000/12.ignatenko.shtml>. – Дата доступа: 09.01.2016.
4. Социальная доктрина российских мусульман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.muslim.ru/actual/13636/>. – Дата доступа: 09.01.2016.
5. Шераев, И. ИГИЛ и национальная безопасность России: оценка рисков и угроз / И. Шераев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.evestnik-mgou.ru/Articles/Doc/622>. – Дата доступа: 09.01.2016.
6. Панкратенко, И. «ИГ» на пути к полноценному государству / И. Панкратенко // «Исламское государство»: сущность и противостояние. Аналитический доклад / под общ. ред. Я.А. Амелиной, А.Г. Арешева. – Владикавказ: Кавказский геополитический клуб, 2015. – С. 31–43.
7. «Исламское государство» выпустило журнал на русском языке [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://rus.azattyq.org/content/ig-zhurnal-istok-na-russkom/27047100.html>. – Дата доступа: 09.01.2016.
8. Сундиев, И.Ю. Теория и практика информационного противодействия экстремистской и террористической деятельности / И.Ю. Сундиев [и др.]; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Все-союз. науч. исслед. ин-т. – М.; Вологда: Полиграф-Книга, 2014. – 240 с.
9. Арешев, А. Кто и как ведет Ближний Восток в «новое средневековье» / А. Арешев // «Исламское государство»: сущность и противостояние. Аналитический доклад / под общ. ред. Я.А. Амелиной, А.Г. Арешева. – Владикавказ: Кавказский геополитический клуб, 2015. – С. 14–30.
10. Gibbs, D.N. Afghanistan: The Soviet Invasion in Retrospect / D.N. Gibbs // *International Politics* 37. – 2000. – June. – P. 233–246.
11. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утв. Указом Президента Республики Беларусь № 575 от 09.11.2010. – Минск, 2011. – 48 с.
12. ИГИЛ представляет для Беларуси косвенную угрозу – эксперт [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://www.belta.by/society/view/igil-predstavljaet-dlja-belarusi-kosvennuju-ugrozu-ekspert-57541-2014>. – Дата доступа: 09.01.2016.
13. Антитеррористический центр СНГ предупреждает, что вербовщики ИГИЛ могут прийти в вузы [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://www.belta.by/society/view/antiterroristicheskij-tsentr-sng-preduprezhdaet-cto-verbovschiki-igil-mogut-prijti-v-vuzy-172644-2015/>. – Дата доступа: 09.01.2016.